

Вадим, мой друг

Мои контакты с Вадимом начались в уже едва различимых 1970-х годах. Причем предметом общения было не языкознание, постижением которого мы тогда занимались, учась на филологическом факультете МГУ. И не объединившие нас гораздо позднее политология и политическая философия.

Тогда мы оба писали стихи, ходили в кампании, где и читали их друг другу, критиковали, анализировали, подначивали... Стихи Вадика мне очень нравились, особенно запомнились строки о Речице – городке, где, как я думала, Вадик вырос (мы знали, что он приехал из Белоруссии): «Где я первый раз вдохнул всей грудью». Гораздо позднее я пришла к выводу, что это были места, куда в детстве его возили отдыхать. Однако когда уже в конце его жизни я предложила собрать стихи, в том числе о Речице, он воскликнул с болью: «Об этом лучше не говорить!».

Стихотворные увлечения постепенно были отодвинуты научными изысканиями. При редких встречах (а в отсутствие Интернета и даже мобильных телефонов у нас обоих других способов контактов и не было) я узнавала о Вадинькиных исследованиях в области балканских языков, сохранившихся крайне фрагментарно, – фракийского, македонского. Уже совсем недавно я обнаружила, что его успехи в этой области высоко ценились историками. И к балканским языкам добавился таинственный этрусский, о котором историк и популяризатор Александр Немировский заметил в одной из своих последних книжек: мол, если бы Вадим Цымбурский не увлекся политикой, мы бы сейчас имели уже прочитанные этрусские надписи.

Вадим, однако, успел написать (не знаю, до какой степени готовности) монографию по этрусскому языку. И когда, узнав о диагнозе-приговоре, он начал систематизировать свои работы, о книге по этрусскому было сказано, что это то небольшое, что он хотел бы оставить после себя. К сожалению, в последний год его жизни мы только перезванивались, поэтому в дальнейшей судьбе рукописи я участия не принимала.

Общаться более или менее регулярно мы с Вадиком (которого я по-прежнему звала Вадинькой, поскольку он был младше меня) стали в конце 1990-х, после встречи в непривычно просторной тогда Ленинке. Он покашливал, жаловался, что никак не поставят диагноз. Конечно, о том, что это было на самом деле, никто не догадывался. С этой встречи наши беседы были посвящены почти исключительно проблемам геополитики (в широком смысле слова), поскольку и меня всё больше интересовали пути развития человечества, которые, как я поняла после трехлетней командировки в Европу, вовсе не столь однозначны, как нам представлялось по марксистской и антимарксистской литературе.

Мы не сходились во взглядах. Вадим проявил себя поклонником Шпенглера и собственные выводы считал развитием этих взглядов. Впрочем, вполне творческим. Особенно плодотворным мне показалось обращение к понятию хронополитики, давно сформулированному, но мало востребованному.

О его «занятиях политикой», то есть политологией, точнее политической историей, я узнала в конце 1980-х, когда он оказался в числе соавторов работы, показывающей, что границы стран Варшавского договора совпадают с западными границами «вторичного закрепощения крестьян»¹. Смысл совпадения был мне непонятен, но я восхитилась способностью улавливать связи в отдаленных объектах – почти как сопоставление колебаний числа грызунов, эпидемий и т.п., обнаруженных Александром Чижевским и объясненных циклами солнечной активности.

Однако я к этому времени уже была убежденным антиглобалистом и видела, что единый процесс исторического развития человечества уже не оставляет времени и места для возникновения новых цивилизаций или для повторения пути «передовых держав». Вадим к этим взглядам относился весьма скептически. Тем не менее, когда в 2005 году мы попытались организовать Всероссийский форум антиглобалистов с использованием Института философии РАН, и в какой-то момент выяснилось, что это будет возможно только при участии в Оргкомитете какого-нибудь сотрудника института, Вадим, уже работавший там, дал свое согласие. Он просидел на заседаниях весь день, выступить и дать статью в сборник отказался и, прямо скажем, разругал почти все доклады. И впрямь, большинство выступлений явно были на злобу дня и на глубину анализа не претендовали. (Можно вспомнить разве что доклад киевского психолога Алексея Мартюшева, анализировавшего «помаранчову» революцию в Киеве, но и тот скорее констатировал факты, чем пытался их объяснить.)

В дальнейшем мы встречались редко, больше перезванивались. Вадим был удручен своей бытовой неустроенностью, болезнью, которую никак не удавалось вылечить. Один раз, оказавшись в Институте, я заглянула к Вадиму в сектор в присутственный день, но его не застала. Когда я спросила одну из сотрудниц, что с Вадимом Леонидовичем, она ответила: «Рак». Потом и Вадик мне рассказал о диагностике и лечении. Но больше говорил о сборнике своих работ, который смог опубликовать. Он хотел, чтобы прошла презентация, я попыталась её организовать, беседовала об этом с Михаилом Ремизовым. Потом узнала, что это удалось.

Я вспоминаю наши телефонные разговоры, голос Вадима – иногда воодушевленный какой-то новой мыслью, иногда отчаянный: «Ты понимаешь, я умираю!». Мои сбивчивые рассуждения на религиозные темы не находили у него отклика. Его состояние здоровья я с ним особо подробно не обсуждала, а он тоже об этом не говорил. Только сообщил, что ему помогли попасть в очень хорошую больницу, там он проходит необходимое радиологическое лечение. Последний его звонок мне тогда казался очередным...

О том, что его больше нет с нами, я узнала из Интернета. Не думала я, что столько людей его знают, читают, обсуждают. Для меня он оставался младшим товарищем, способным на гениальные прозрения. Как хорошо, что они были замечены и оценены еще при его жизни. А голос его всё еще звучит в моей памяти.

¹ Сопоставление границ распространения «второго издания крепостничества» и рубежей стран «народных демократий» принадлежит академику С.Д. Сказкину, на выходы которого В.Л. Цымбурский ссылался в своей работе «Остров Россия. Перспективы российской геополитики»: «Особенно впечатляет то, что железный занавес, разделивший «ялтинскую» Европу, совпадает к северу от Балкан с минимальными отклонениями, вроде Шлезвиг-Гольштейна и т.п., с границей «второго издания крепостничества». Похоже, Сталин в Ялте получил ровно то, что западный мир в лице его лидеров не считал с уверенностью своим. Читая слова С.Д. Сказкина о том, что «второе издание крепостничества» должно было привлечь особое внимание «ученых стран народной демократии, ибо как раз на территориях этих стран за малым исключением такое второе издание имело место», мы вправе усмотреть прямую связь между этой контрмодернистской формой вхождения восточноевропейских народов в западную экономику, а с ней и в культурный мир Возрождения и Реформ». См.: *Сказкин С.Д. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» // Вопросы истории. 1958. № 2. С. 97. – Примеч. ред.*